

Кинодраматург Аркадий Инин
выпустил недавно книгу своих избранных сценариев (жуткий, кстати, дефицит). «Однажды двадцать лет спустя» и «Отцы и деды», «Одноким предоставляется общежитие» и «Единожды солгав»,

«На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-бич опять идут дожди»...

Не правда ли, названия очень памятные?

Три десятка фильмов поставлено по сценариям Инина, но цифре этой покуда суждено быть «замороженной», поскольку отечественный кинематограф нынче букает, как разбитая полуторка на раскисшем октябрьском проселке.

Вер. клуб. - 1996. - 12 окт. - с. 8.

Аркадий ИНИН:

Я прихожу на киностудию, как на сельское кладбище

— Аркадий Яковлевич, все время старайся, чтобы получалось смешно, — такое ремесло изнуряет?

— Нет, мне не тяжело. То есть, конечно, тяжело, как всякому пишущему человеку — есть какие-то Моцарты, которые легко это делают, я же, как Сальери, все высихиваю задницей. Но особенно настраиваться на то, чтобы написать смешно, мне не надо, потому что жизнь воспринимаю весьма несерьезно и, я бы даже сказал, легко-мысленно. Не могу я долго всерьез относиться к происходящему — это просто глупо.

— В ваших фильмах постоянно прописывает совершенно определенная улыбка — чуть снисходительная, но ласковая.

— Да — я ведь никогда не был сатириком, а, что называется, юмористом и лириком. Практически все, что я пишу, это лирические комедии, где рядом смех и слезы. И хэппи-энд обязательны — его я обожаю и считаю величайшим достижением кинематографа, хотя на чай-нибудь иной взгляд это изобретение отвратительное. У меня стремление писать хэппи-энды и дарить надежду, потому что я как-то так жизнь воспринимаю. Другие жизнь воспринимают мрачно. Вот теща Валерия Хайта (знаменитый одесский капитан КВН, сейчас руководит «Джентльмен-шоу») каждую осень почему-то говорила: «Идет страшная зима». И все время так пророчески...

— В ваших фильмах часто встречаются интересные женские образы. Как вам удаётся проникать в женскую психологию?

— Да какая там у них психология, о чём вы говорите? Вот мой сосед Мережко — он у нас главный мастер по женской психологии. А я как бы подмастерье. Чего там проникать? Подумай, бином Ньютона! Леш, их надо любить просто и жалеть — и больше ни чёта не надо. Поэтому и пишу о них. Но еще и, не скрою, из сугубо практических соображений. Ну сейчас, с ломкой проката, это и не имеет такого значения — но в те времена, когда мы собирали миллионы зрителей и получали так называемые потиражные... Общеизвестно ведь, что женщины — зрительский мотор: аудитория любого культурного мероприятия на две трети состоит из женщин. И мало того, что они сами тянутся к культуре, но и тянут мужчин, потому что в кино почему-то не очень любят в одиночку ходить. Я же хочу, чтобы

фильмы мои смотрелись, и всегда думаю: будет ли это интересно женщинам?

— Прежде-то смотрелись — и очень хорошо. Но сейчас ведь вы в простое? Если не путаю, после «Дерибасовской» ничего не было?

— Было, но... Такие, как я называю, дурацкие комедии, которые мы с Мишей Кокшеновым делали: «Русский бизнес», «Русское чудо», «Русский счет». Но была и хорошая, как мне кажется, картина, Сережа Никоненко поставил — «Не хочу жениться». Она наверняка к высокому искусству никакого отношения не имеет, как и предыдущие мои картины, но — такая лирическая комедия, трогательная и смешная. В советские времена, я думаю, она собрала бы свои 30—40 миллионов зрителей, но сейчас (это был 94-й год) ее, конечно, никто не видел.

— Почва ушла из-под ног?

— Киношная почва. Мне очень грустно и скучно без кино. Хотя на всякий случай должен сказать, что в моем случае это не материальные «жалобы турка». Наоборот: в нынешней ситуации я себя вполне нашел, денег у меня гораздо больше, чем при советской власти. Я выступаю много и на ТВ работаю, а гонорары сейчас несравнимы с теми, советскими. Один мой концерт какой-нибудь окупает целый сценарий быльих времен. Сейчас финансовых возможностей больше, но в моральном смысле гораздо тяжелее.

— Почему?

— Хотя бы потому, что нам всегда было стыдно говорить о деньгах — так воспитали. Ну были, конечно, жлобы и хапуги, но в принципе это все-таки было неловко. Может быть, это нелепо, над этим сейчас смеются, и человек действительно за труд должен получать вознаграждение — все понимаю, но я никогда не мог спросить, сколько мне заплатят за рассказ, за сценарий. А уж торговаться было и вовсе просто стыдно. Мы были достаточно нищими людьми, но при этом никогда не говорили и — самое главное — не думали о деньгах. А сейчас я себя с глубоким презрением и отвращением к самому себе ловлю на том, что... Нет, я по-прежнему не говорю о деньгах, но не могу себя заставить — но, к сожалению, думаю о них. И это мне глубоко отвратительно. Многие считают это то ли ханже-

ством, то ли идиотизмом. Но это одна из тех потерь, которые для меня очень огорчительны.

— Ваш коллега Черных говорил мне, что доволен экранным воплощением лишь пары своих сценариев из множества. А вы?

— Я более либеральный в этом смысле человека и, наверное, менее «требовательный художник». Я совершенно спокойно отношусь к собственным произведениям, не считаю их не-тленкой. А самое главное — я понял, что режиссер может снять только то, что он может снять. Я тоже недоволен большим процентом картин, снятых по моим сценариям, но у меня есть примеры прямые и обратные. Есть фильмы, которые сняты дословно, уважительно, — но в результате ничего не получилось. И есть примеры обратные, когда сценарий так уродовался — то есть не уродовался, как выяснялось, а изменился, улучшился, — и в результате получались фильмы, на мой взгляд, гораздо лучшие, чем мои сценарии.

— Сколько всего удачных?

— Из 30, я думаю, штук 8 наберется. С Юрием Павловичем Егоровым, с Самсоном Самсоновым, с Володей Бортко, с Сережей Никоненко... И просто счастье, что мне повезло встретиться с Леонидом Гайдайм.

— Вы часто присутствуете на съемках?

— Да. У сценаристов имеется два подхода к этому вопросу. Есть такой анекдот: огромная семья — китайцев или чукчей, сидит папаша в центре, а вокруг ползают чумазые дети. Он на них смотрит и говорит: «То ли этих отмыть, то ли новых сделать...» Вот сценаристы делятся на тех, кто отмывает, и тех, кто делает новых. Одни считают: отдал сценарий режиссеру — считай, пропал. Все равно он это изуродует, изнасилует, изменит, переделает — так что лучше не трогать нервы и силы и писать новые сценарии. Другие — как я — полагают, что лучше этих отмывать совместными усилиями.

— И ходят полуотмытые?

— Пусть полуотмытые, но все-таки лучше, чем грязные. Хотя, может быть, правы те, кто отдали и не трогают время, ведь за год съемок можно написать новый сценарий.

— Но вам нравится сам процесс.

— Что до съемочного процесса — я его терпеть не могу, ненавижу. По очень простой при-

чине: я — человек-машина, человек-часы, и когда кто-нибудь опаздывает ко мне на свидание на пять минут, меня начинает трясти, я думаю — не попал ли он под трамвай и т.д. Нехорошо быть раздолбаем, но, наверное, и пунктуальность болезненная — это тоже род недуга. Поэтому мне невыносимо находиться на любой съемочной площадке, ибо там всегда бардак: то не готово, этот не приехал, камера забыла — даже у самых аккуратных, четких режиссеров это присутствует, такова уж природа киносъемки. Но я там бываю, потому что вместе мы можем что-то придумать. А у нас жанр особый, комедийный — и тут часто многое рождается на площадке. Зато монтаж я обожаю — сижу там от начала до конца.

— А режиссеры не гоняют?

— Как правило, нет. Ведь он уже понял мою братскую заинтересованность в процессе съемок и к монтажу знает, что я — свой. Я думаю, что если бы не стал сценаристом, то мог бы быть монтажером. И самое главное — я умею вырезать. Режиссер это не то что не умеет (что там уметь — взял да вырезал), но, как правило, выше его сил вырезать то, что снято. Ну вот такая психология. Если ты в болотах три дня караулил этот кадр — рука как-то не поднимается. Как Гайдай мне говорил: «Аркадий Яковлевич, я без вас бы ни в жизни так не смог». Это когда я из фильма 600 метров выбросил — из двух с половиной тысячи. И мне безумно нравится этот процесс — монтаж аттракционов по Эйзенштейну, когда сталкиваются два кадра и рождается что-то третье.

— Сами не мечтали поставить картину?

— Чего нет — того нет. Я твердо знаю свои устремления и возможности. Предлагали — и не раз, особенно в этот переходный период, когда уже всякий официант снимает кино, — ни дипломов не надо, ничего. Есть выражение, что режиссером может быть каждый, кто не доказал обратного, но я эту формулу не стал проверять. И, кроме того, что я не чувствую к этому призыва и умения, еще все время благодаря Богу за то, что он мне дал такую профессию: сидеть дома и не работать в коллективе, потому что это все-таки ухаж.

— Сейчас, когда не можете на практике реализовать себя в любимом деле, пишете ли сценарии «в стол»?

— Нет. Я ведь не отношусь к настоящим художникам, которые пишут потому, что не могут молчать. Я всегда писал то, что мне интересно, и то, что мне предлагали, — если соглашался с этим. И никогда, кстати, в жизни не писал заказных работ в плане «это нужно». Может быть, спасал в этом смысле жанр, потому что заказывали фильмы на производственную тему, про армию — и это надо было кому-то выполнять. А комедий не заказывали — даже наоборот.

— А сейчас... Писать просто так, в никуда? Ну можно написать стихи, если они льются из души, или картину — и повесить ее на стенку. Но сценарий не самостоятелен, он предполагает дальнейшую судьбу, производство. Если уж крик души — пиши роман или повесть, ибо это можно издать. Вот я выпустил сейчас книгу сценариев и сборник рассказов. А сценарии не пишу.

— Скучает без кино?

— Ужасно тоскую! На «Мосфильм» или на студию Горького прихожу, просто как на печальное сельское кладбище. Какая здесь жизнь кипела, какие люди ходили по коридорам, какие проекты рождались, какие замечательные идеи осуществлялись — и это, увы, ушло! Очень печально, хотя у меня, я повторяю, во всех других смыслах — тьфу-тьфу-тьфу! — жизнь проходит совершенно нормально: в творческом смысле — я пишу, в материальном — я не нуждаюсь. В смысле свободы передвижения по миру и т.д. А кинематограф сейчас для меня — вопрос не финансовый. Говорю не в первый раз: если найдется человек, который захочет и сможет поставить мой сценарий, я готов написать его бесплатно. Лишь бы снова окунуться в мою любимую киноизнину.

— Жаль, Аркадий Яковлевич, что я не режиссер и не банкир одновременно: такой бы блокбастер залудили... С хэппи-эндом! Ладно, дай вам Бог удачи хотя бы в иных ипостасях.

— Кстати, о них. Я сейчас совершенно неожиданно стал писать постоянную рубрику в журнале «Космополитен» — называется «Его точка зрения». Когда меня туда пригласили, спросил абсолютно искренне (я все-таки человек советский — такой был, есть и буду): «Есть же «Крестьянка» и «Работница» — зачем же еще один дамский журнал?» Ну не понимал этого. А теперь вижу — странный поворот происходит со мной. Недавно побывал на фестивале «Эхо Кинотавра» в Алма-Ате. Все киношники, Янковский, Рудинштейн, пресс-конференция первый день, всем задают вопросы про кино. И одна девушка спрашивает: «Можно вопрос Инину?» Я приготовился — вот сейчас: вы, мол, кинодраматург, ваши проблемы... И она: «Мы вас очень хорошо знаем...» Я так приосанился... А она продолжает: «... По вашим публикациям в журнале «Космополитен». Оказывается, драматурга, на счету которого 30 фильмов, знают по журналу для дам.

Фото Игоря ИВАНДИКОВА.

